

Г. А. ТИРАЦЯН

УРАРТУ И АРМЕНИЯ

(К вопросу о преемственности материальной культуры)

Раскопки Кармир-блур, которые ведутся почти три десятилетия под бессменным руководством Б. Б. Пиотровского, 60-летие которого отмечается в феврале 1968 года, ознаменовали не только начало нового этапа в археологическом изучении Урарту, но и подвели необходимую научную базу для изучения историко-культурных связей Урарту с другими цивилизациями—малоазийской, средиземноморской, сиро-месопотамской, иранской.

В свете новых данных, полученных при раскопках Кармир-блурского комплекса, а также благодаря развернувшимся на территории Советской Армении, а впоследствии и Турции, археологическим работам по исследованию урартских древностей, особое значение приобретает вопрос о преемственных связях между сменяющими друг друга на Армянском нагорье культурами—урартской и армянской.

Проследить преемственность возможно, учитывая определенный прогресс в деле изучения материальной культуры Армении послеурартского—ахеменидского и эллинистического периода. Значительное расширение фронта раскопок в последние годы создало благоприятные условия для работы по сопоставлению и сравнительному изучению материалов этих периодов со всеми вытекающими отсюда выводами.

Уже в прошлом отмечались некоторые точки соприкосновения двух культур в области строительного дела и архитектуры. Указывалось также на наметившиеся связи в деле металлообработки (торевтики). Новые раскопки на территории Коммагены выявили удивительные данные, указывающие на наглядную преемственность, существующую между некоторыми чертами материальной культуры эллинистического времени этой страны, связанной с Арменией разносторонними узами, и Урарту.

Рассмотрение всех этих вопросов в совокупности остается делом будущего. В данном случае можно остановиться на ряде примеров преемственности форм из области керамики, с привлечением также соответствующих изделий из металла и камня.

Выделение в этой связи некоторых характерных для урартской материальной культуры форм и установление их реплик в довольно точно датируемом армянском материале поможет раскрытию интересного явления, несомненно имеющего большое культурно-историческое значение.

Изучение керамического материала Армении ахеменидского и эллинистического периодов позволяет выделить группу чаш и кубков четко

выработанной формы. Входящие в эту группу сосуды происходят из погребений V—IV вв. до н. э. Джрарата¹ (Разданский район), Цамакаберда² (Севанский район), Кармир-блур (город)³, Северной Армении⁴ (Ахтала), из погребения, по-видимому, эллинистического времени в Гарни⁵, из слоев ахеменидского и эллинистического времени в Гарни и Армавире, из раскопок крепости Ацаван⁶, а также из Западной Армении (серебряный кубок, найденный с другими предметами в V—IV вв. до н. э.)⁷.

К этой группе типологически примыкают такие же глиняные сосуды ранне- и позднеахеменидского времени из Триалети⁸, глиняный и металлический сосуды из Мингечаура⁹, глиняный сосуд из Сары-тепе (Казахский район)¹⁰, глиняные сосуды эллинистического времени из Ханлара (Кировабадская область)¹¹.

Чаши этой единой группы сосудов, сравнительно неглубокие, с плоско-округлым дном и профилированным, вогнутым во внутрь в средней части венчиком, имеют характерный выступ у перехода от дна к венчику (рис. 16, табл. I, 2).

Кубки же более глубокие, с полусферическим или округлым туловом, со сравнительно высоким раструбным венчиком и с таким же подчеркнутым переходом от тулова к венчику. Весь этот материал выявляет определенное сходство с аналогичными, но довольно малочисленными изделиями с территории самого Ирана ахеменидского времени¹².

Это сходство следует признать закономерным, учитывая общие для данных сосудов хронологические рамки, а также характерное для этого

¹ А. О. Минацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Известия АН Арм. ССР, общественные науки (в дальнейшем Известия), 1961, № 8, стр. 76—77.

² Там же.

³ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, стр. 144, рис. 68.

⁴ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, т. I, Paris, 1889, рис. 1.

⁵ А. О. Минацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 77, табл. 7. III (левый).

⁶ Г. А. Тирацян, Раскопки крепости Ацаван в 1962 г., Известия, 1963, № 12, стр. 105 (на арм. яз.).

⁷ O. M. Dalton, The treasure of Oxus, London, 1927, рис. 72.

⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 31, 42, табл. IV, XV.

⁹ И. В. Минкевич-Мустафаева, О раскопках в Мингечауре, Материальная культура Азербайджана, т. I, табл. VI, № 8; История Азербайджана, том I, Баку, 1958, стр. 22.

¹⁰ И. Нариманов, Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане, Советская Археология (в дальнейшем С. А.), 1960, № 4, рис. 11.

¹¹ Раскопки Г. О. Розендорфа, Отчеты Археологической комиссии 1903 г., стр. 92—99; А. Спичин, Некоторые закавказские могильники, Известия Археологической комиссии, выпуск 29-ый, 1909, рис. 64, 65; Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, рис. 6.

Совершенно близкие по форме сосуды были найдены также во Фригии (Гордион) в слое V в. до н. э. См. R. Young, The 1961 campaign at Gordion, American Journal of Archaeology, т. 66, № 2, 1962, таб. 41, 1a, b.

¹² E. Schmidt, Persepolis, II, Chicago, 1957, таб. 68, 1 и 89, 8.

времени оживление связи между Армянским нагорьем и Ираном. Однако, как нам кажется, эти общие черты не могут дать удовлетворительного объяснения о генезисе этих готовых форм в Армении в рассматриваемое время.

Между тем, привлечение урартского материала, особенно накопившегося за последние годы, может с наглядностью показать урартские истоки этой, как видно из вышесказанного, ведущей для материальной культуры Армении и Закавказья формы.

На самом деле, раскопки Кармир-блур выявили несколько видов чаш и блюд, среди которых заслуживают особого внимания чаши с профилированным низким венчиком, округло-плоским дном и характерным перехватом¹³. (Рис. 1а, табл. I, 1).

Эти краснолощенные изделия, явно урартского происхождения, могут быть со всем основанием признаны предшествующими формами для сходных сосудов Армении послеурартского времени.

Такие же краснолощенные чашечки известны из Аринберда¹⁴, погребений урартского времени на территории городов Еревана¹⁵, Армавира и Нор Армавира¹⁶.

В раскопках Кармир-блур были найдены также несколько металлических чаш с округлым дном и косо поставленными венчиками¹⁷, кстати, выявляющие поразительное сходство с сосудах ахеменидского времени, представленных на Персепольских рельефах¹⁸.

Наряду с чашами, в Кармир-блуре были найдены также и металлические кубки, сравнительно глубокие, с полусферическим туловом и расширяющимся венчиком¹⁹.

Нет никакого сомнения, что все эти типологически однородные формы, выработанные в урартской керамике и торовитке, безусловно, находятся в тесном взаимодействии с материальной культурой Ассирии²⁰ и

¹³ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 183; его же, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 35; его же, Ванское царство, М.—Л., 1959, стр. 193; А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., табл. 7, 1 (левый); А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, рис. 56.

См. также фонды Государственного исторического музея Армении (в дальнейшем ИМА), например, № 2205/47.

¹⁴ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов, II, Ереван, 1967, табл. XVIII, 7, 8.

¹⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, табл. XXIII, 13, 14.

¹⁶ А. А. Мартиросян, Раскопки Аргштихинили, Советская Археология, 1967, № 4, рис. 5.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 34; Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, Историко-филологический журнал (далее ИФЖ), 1964, № 2 (на арм. яз.), табл. 1, 3.

¹⁸ Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 159, табл. 1, 3, 4.

¹⁹ Там же, стр. 159, табл. 1, 3, 4.

²⁰ M. Mallowan, The treasures of Assurnasirpal II, The Illustrated London News, July, 29, 1950, рис. 7, 8.

имеют решающее значение при изучении основ происхождения некоторых керамических и металлических форм древней Армении.

Из археологических памятников Армении ахеменидского и эллинистического времен выявлена каменная посуда в виде чаши на расширяющейся книзу ножке (рис. 26, табл. I, 4).

Два цельных сосуда имеются из Гехадира (Котайкский район) и из Нагорного Карабаха (высота обонх 8 см, диаметр чаш 14,5 и 16 см)²¹.

Многочисленные фрагменты таких сосудов были найдены в Гарни, Армавире, Ацаване, Севане²². Изготовлены они из камня (конгломерат, порфирит?) синевато-серого цвета, часто с черными крапинками. Хотя эти сосуды отличаются между собой, по характеру закраин у них общие формы. Чашевидное тулово этих вазообразных сосудов не очень глубокое и имеет снаружи плавно-вогнутые очертания. Ножки, как правило, не очень высокие, но широкие у основания, что, надо полагать, связано с необходимостью придать сосудам большую устойчивость. Внутри, снизу, ножки имеют выскобленное конусовидное углубление. Стенки чаш и ножек сглажены и полированы. Их широкое распространение, главным образом в слоях поселений, не исключает возможности их применения в быту («Obstschalen»).

Присутствие этих сосудов, вернее их обломков, в слоях ахеменидского и эллинистического периодов позволяет датировать их V—I вв. до н. э. Гехадирский сосуд найден в саркофаге, относящемся к могильнику позднеахеменидского, а вернее раннеэллинистического периода, о чем свидетельствует также найденная в одном из погребений монета Александра Македонского. Имеющиеся параллели рассматриваемых сосудов в Иране (главным образом Персеполь), Сирии, Северной Индии (Таксила)²³, а также в греческом мире²⁴, в основном подкрепляют предложенную датировку.

Ознакомление с урартской керамикой, с ее ведущими формами, делает очень вероятным предположение об урартском типологическом происхождении, имеющем столь широкое распространение в древней Армении вышеупомянутых вазообразных сосудов.

Правда, древнейшие прототипы данной формы ведут нас во II тысячелетие и даже в более ранние времена, а ареал их распространения охватывает широкие территории Передней Азии и Египта. Самые ранние образцы известны нам по раскопкам Тепе-Гиссара в Иране²⁵ и Тепе-

²¹ Ж. Д. Х а ч а т р я н, Археологические находки в Гехадире, Вестник общественных наук (в дальнейшем Вестник), 1966, № 1, рис. 2 и 3.

²² Ж. Д. Х а ч а т р я н, ук. соч., стр. 84—87; Г. А. Т и р а н я н, Раскопки крепости Ацаван в 1962 г., Известия, 1963, № 12, рис. 4.

²³ Ж. Д. Х а ч а т р я н, ук. соч., стр. 86.

²⁴ Б. Ф а р м а к о в с к и й, Раскопки в Ольвии, Известия Археологической комиссии, рис. 75, стр. 134; L. S h e a r, The American excavations in the Athenian Agora, Hesperia, 1910, т. IX, № 3, рис. 9.

²⁵ L. V a n d e n B e r g h e, Archéologie de l'Iran ancien, Leiden, 1959, таб. X, XI.

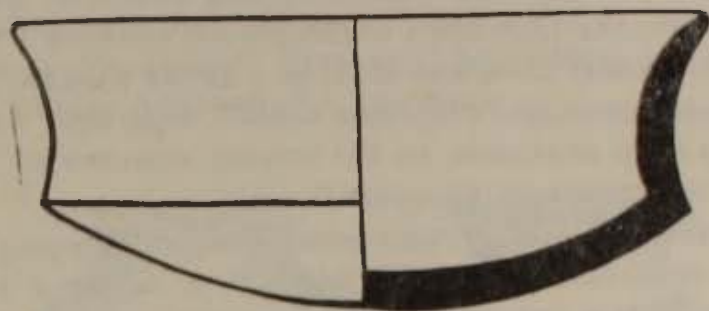
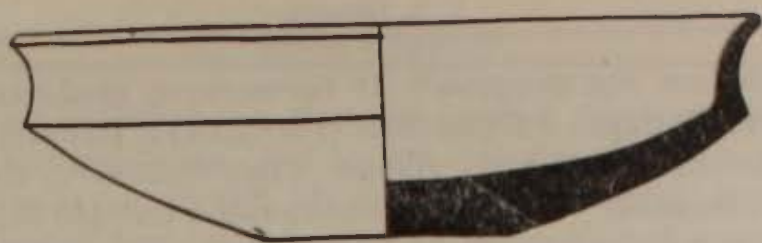

Рис. 1а, б.

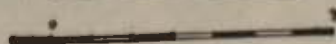
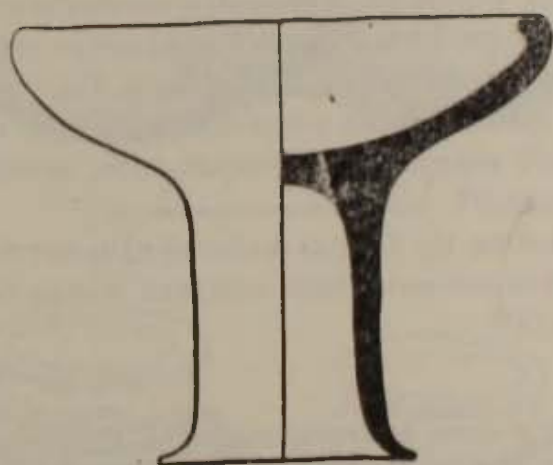

Рис. 2а, б.

Гавра в Северной Месопотамии²⁶. II тысячелетие представлено находками из Египта²⁷, Сирии и Палестины (Рас-Шамра, Иерихо)²⁸, Северной Месопотамии (Тел-Халаф)²⁹, Ирана (Тепе-Сналк)³⁰, Средней Азии (Маргиана-Тахирбай)³¹. Примеры вазообразных сосудов первой половины I тысячелетия можно найти в Малой Азии, в ее западных частях (Сарды, Эфес, Кусура)³² и внутренних областях (Фригия—Гордион)³³.

Каменная ваза на ножке с клинописной надписью известна из северо-западного Ирана (Хасанлу) и датируется началом I тысячелетия³⁴. Отсюда же происходит глиняная ваза, но с двумя ручками, расположенными по противоположным сторонам чаши³⁵. Фрагмент каменной чаши с профилированным венчиком, но без ножки, известен из Зивие и датируется позднеассирийским временем³⁶.

Тем не менее, самые многочисленные находки интересующих нас сосудов первой половины I тысячелетия до н. э. имеются на Армянском нагорье и относятся к урартскому времени, что говорит об основательном внедрении этой переднеазиатской, по всей вероятности, формы в материнской культуре Урарту. О том, как прочно была усвоена эта форма в урартской керамике, говорят многочисленные находки—в самой столице, а также расположенных на окраинах городов—как цельных образцов, так и фрагментов (рис. 2 а, табл. 1, 3).

Еще Леман-Гаупт выделил в отдельную группу специфической формы часть урартской керамики из Топрах-кале, включив в нее чашу на высокой полый ножке³⁷.

Во время раскопок на Топрах-кале, предпринятых уже в последние годы турецкими археологами, была найдена ножка вазообразного краснотерятого сосуда³⁸.

²⁶ A. Tobler, Excavations at Tepe Gawra, т. II, Philadelphia, 1950, № 400.

²⁷ W. Hayes, The Scepter of Egypt, т. I, Cambridge, 1953, рис. 236.

²⁸ Cl. Schaeffer, Les fouilles de Ras-Shamra, Syria, 1938, т. XIX, 3, табл. XX, 4; M. Meurdrac, рец. на J. Garstang, Jerico city and Necropolis, Syria, XIV, 3, 4, 1933, рис. 1, стр. 444.

²⁹ B. Hrouda, Tell. Halaf, т. IV, 1962, Berlin, табл. 63, 2.

³⁰ R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, т. II, Paris, 1939, табл. XVI, 8.

³¹ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, М.—Л., 1959, табл. VII, 1, 3, 5, табл. X, 4.

³² H. Bossert, Altanatolien, Berlin, 1940, табл. 20, № 124(9), стр. 20, табл. № 189, стр. 32; H. Goldman, Excavation at Güzlu-Kule, Tarsus, III, Princeton, 1963, табл. 109 (№ 1631).

³³ G. A. Körte, Gordion, Berlin, 1924, стр. 66, рис. 40—41.

³⁴ R. Dyson, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, Journal of Near Eastern Studies, т. XXIV, July, 1965, № 3, рис. 8.

³⁵ L. Vanden Berghe, ук. соч., табл. 146, в.

³⁶ R. Dyson, Zivije, Expedition, 1963, т. 5, № 3, стр. 36.

³⁷ C. F. Lehman Haupt, Armenien einst u. jetzt, т. II, 2, Berlin, Leipzig, 1931, стр. 567.

³⁸ B. Ögün, Kurze Geschichte der Ausgrabungen in Van und die Türkischen Versuchsgrabungen auf dem Toprak-Kale, 1959. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. III, 2, 1961, тб. IV, 4.

Несколько вазообразных цельных сосудов было найдено во время раскопок в Кармир-блуре. Два из них на высоких полых ножках происходят из самой цитадели³⁹. По небрежному качеству лощения видно, что сосуды могли быть изготовлены на месте. Третий сосуд, краснолощенный, на низкой ножке, происходит из городских кварталов и был, вероятно, привезен из центра государства⁴⁰.

Почти целый вазообразный сосуд происходит из погребения урартского времени в Мецаморе⁴¹. Наконец, фрагменты таких же сосудов известны нам из Нор Армавира⁴² и Армавира.

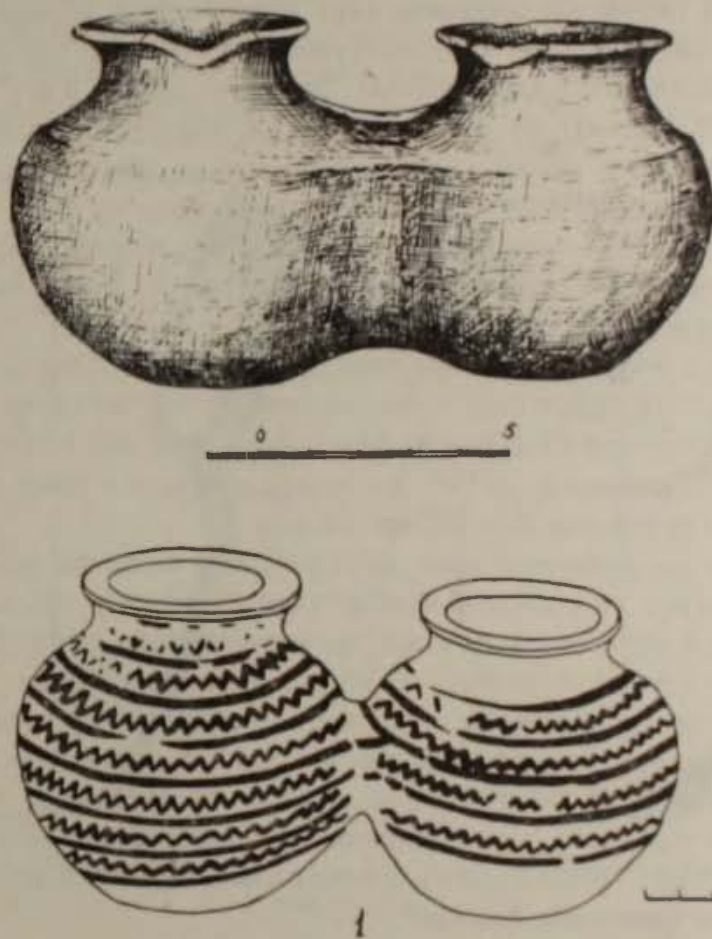

Рис. 3а, б.

Наличие целой группы глиняных краснолощенных сосудов с четко выработанными очертаниями говорит о том, что перед нами одна из

³⁹ См. фонды ИМА, № 2204/59 и 60.

⁴⁰ В. С. Сорокин, Раскопки древнего поселения, см. Кармир-блур, II. Ереван, 1952, рис. 45.

⁴¹ Материалы готовятся к изданию Э. В. Ханзадян.

⁴² А. А. Мартirosян, Раскопки Аргиштихинили, С. А., 1967, № 4, рис. 5 (нижний ряд справа).

характерных форм урартской керамики. Эта форма, как видно на примере археологических находок, могла передаваться армянам, найдя свое воплощение, однако, в камне⁴³.

В ходе археологического изучения городских кварталов Тейшебаини, развернувшегося параллельно с раскопками кармир-блурского холма, еще в 1948 году были найдены первые погребения послеурартского времени, устроенные в развалинах городских жилищ (раскопки А. А. Ваймана). С погребениями этого же времени встретился в 1956—1958 гг. А. А. Мартиросян, продолжавший изучение Тейшебаини. В одном из них, построенном кстати из камня урартских жилищ, оказался сосуд, представляющий собой комбинацию двух шаровидных горшков, покрытый слоем красноватого ангоба, на который была нанесена роспись из чередующихся прямых и волнообразных линий красного и коричневого цвета⁴⁴ (рис. 36, табл. II, 2). Уже тот факт, что сосуд происходит из погребения, устроенного на развалинах урартского города, свидетельствует о его послеурартской дате. Анализ сопутствующего ему погребального инвентаря выявляет определенные связи с правильно датировемыми вещами Джраратского погребения, указывающие на V—IV вв. до н. э. как на самую вероятную дату сосуда.

Характер росписи двойного сосуда также указывает на послеурартское время, о чем могут свидетельствовать некоторые сходные узоры, выполненные росписью на кубке из Армавира⁴⁵, фляжке из Гехадира и кувшинчике, хранящемся в ИМА⁴⁶, которые датируются даже несколько более поздним временем, IV—III вв. до н. э.

Роспись рассматриваемого сосуда можно было бы привести в формальную связь с украшенной волнистыми линиями и прямыми полосками ионийской керамикой того же времени, однако упомянутые мотивы не являются специфическими только для керамики Ионии VI—IV вв. до н. э. и встречаются и раньше, и позже⁴⁷. Двойной сосуд раннеармянского времени, типа так называемых сообщающихся, явно напоминает более древние образцы. И действительно, тождественные по форме сосуды встречаются довольно часто именно в урартской керамике⁴⁸ (рис. 3а, табл. II, 1). Еще Леман-Гаупт обратил внимание на эти краснолощенные сосуды специфической формы⁴⁹.

⁴³ Каменная посуда известна была и урартам, однако еще не засвидетельствованы каменные чаши на ножках. Пока что известны каменные чаши и блюда без ножек. (См., например, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, рис. 6).

⁴⁴ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, рис. 66.

⁴⁵ Г. А. Тиранян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.), ИФЖ, 1965, № 3, табл. 1, 4.

⁴⁶ Ж. Д. Хачатрян, Некоторые образцы цветной керамики, найденные в Армении, ИФЖ, 1966, № 1, табл. I, 1, 2.

⁴⁷ Г. А. Тиранян, ук. соч., стр. 274, 276.

⁴⁸ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, стр. 141—142, рис. 66.

⁴⁹ С. F. Lehman-Haupt, ук. соч., стр. 559—587; его же, *Materialien zur älteren Geschichte Armeniens, Mesopotamiens*, Göttingen, 1907, стр. 109—120.

Среди разнообразного керамического материала Кармир-блур также выделяются двойные сообщающиеся сосуды, покрытые красным ангобом⁵⁰. Один из них особенно совпадает по форме с вышеописанным сосудом из погребения раннеармянского времени. Интересно отметить, что такие же сосуды встречаются в древнейшей местной керамике Армении, например в Азатаване⁵¹.

Назначение двойных, сообщающихся сосудов не совсем ясно: один из таких сосудов Кармир-блур был наполнен семенами миндаля⁵².

Одной из характерных форм керамики Армении послеурартского, главным образом ахеменидского, времени следует считать высокие сосуды с двумя ручками (рис. 4б, табл. II, 4). Такой сосуд был найден в одном из погребений послеурартского времени, принадлежавший, по всей видимости, жителям раннеармянского поселения, возникшего по соседству с развалинами Тейшебани⁵³.

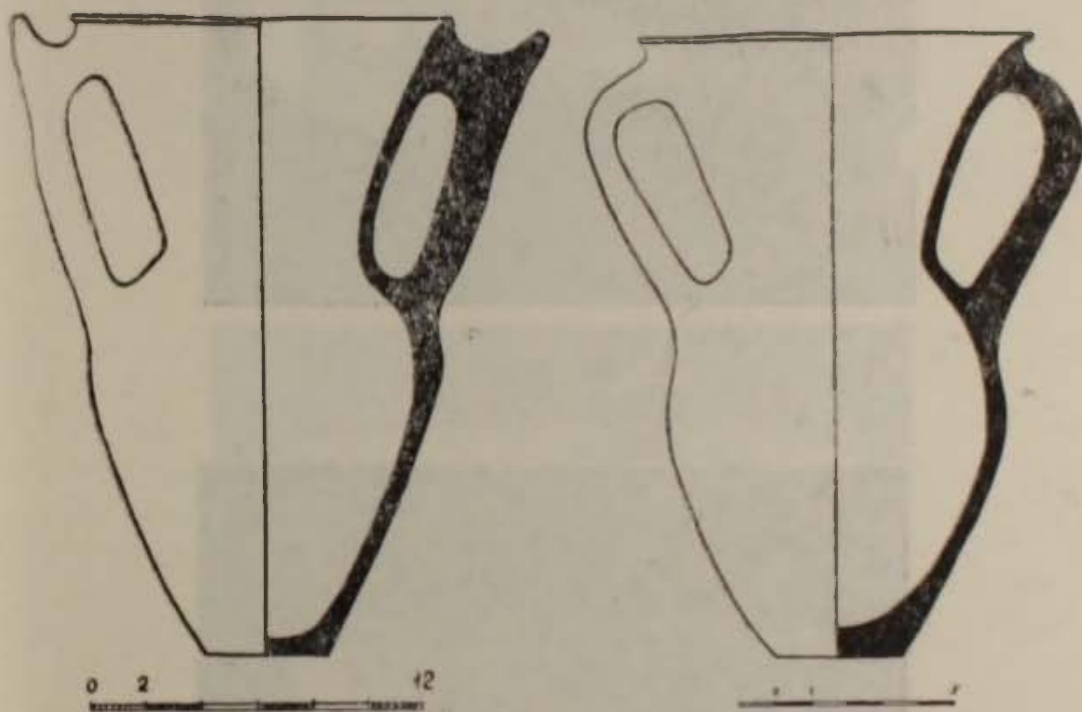

Рис. 4а, б.

Это был красноглиняный сосуд вытянутых пропорций, покрытый слоем ангоба светло-коричневого оттенка, с несколько поврежденным венчиком и одной из ручек. Он имеет узкое плоское дно, равномерно расширяющееся тулово, верхняя часть которого образована крутыми плечиками, переходящими в очень высокий раструбообразный венчик.

⁵⁰ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 183; его же, Кармир-блур, I, стр. 35; его же, Ванское царство, стр. 193; А. А. Мартиросян, ук. соч., рис. 66.

⁵¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 184.

⁵² Там же, стр. 184.

⁵³ А. А. Мартиросян, ук. соч., стр. 139—140, рис. 140.

Сосуд датируется V—IV вв. на основе данных как самого погребения, так и могильника, в которое это погребение входит. Особенно следует учесть точные аналогии, которые находит рассматриваемый сосуд на рельефах из Персеполя⁵⁴, а также среди металлических однотипных сосудов ахеменидского времени, происходящих из случайных находок или раскопок⁵⁵.

Сходный по форме двуручный сосуд из глины бело-желтоватого цвета, с тонким высококачественным черепком известен нам из Двина⁵⁶.

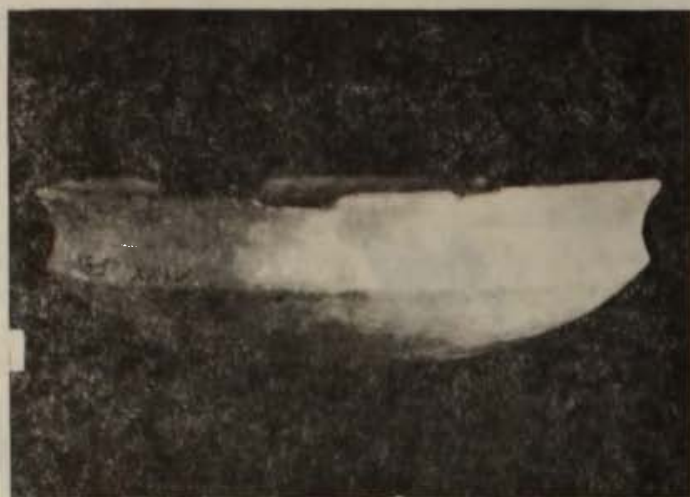

Табл. I, 1

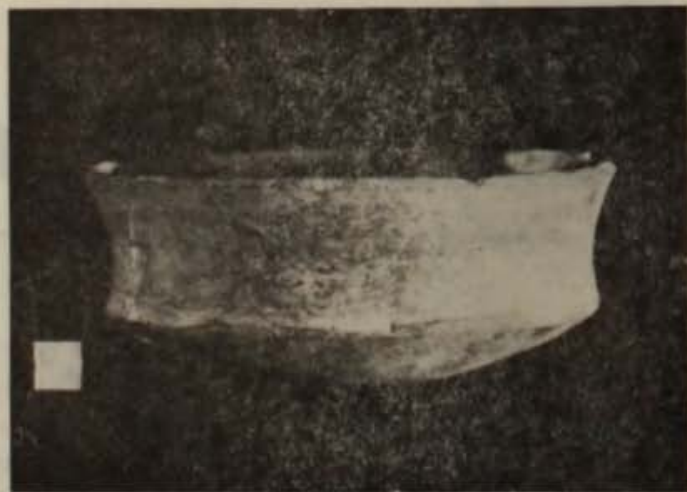

Табл. I, 2.

⁵⁴ E. Schmidt, *Persepolis, I*, Chicago, 1953, табл. 29 A и B.

⁵⁵ P. Amandry, *Traité de céramique achéménide*, *Die antike Kunst*, № 2, 1959.

⁵⁶ Хранится в музее при Двинской археологической базе.

Табл. I, 3.

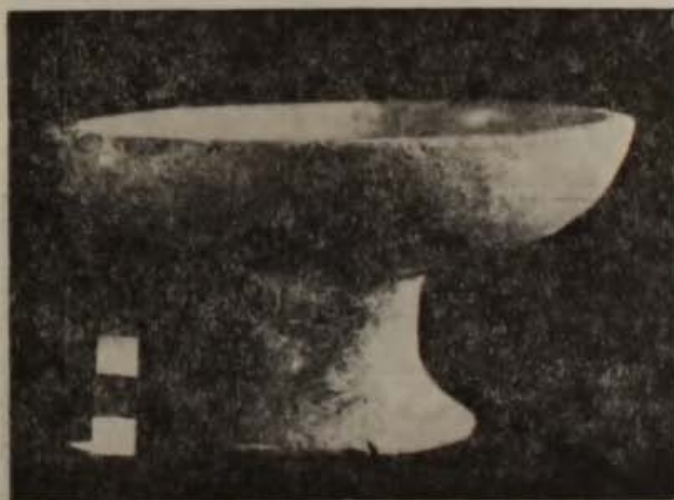

Табл. I, 4.

Поразительное сходство черепка с позднесредневековыми сосудами не позволяет пока высказаться более определенно об этом сосуде, форма которого очень характерна для ахеменидского времени.

В ИМА хранится однотипный с вышерассмотренными светлоангобированный сосуд, но более приземистый⁵⁷. Не исключена возможность, что перед нами вариант более позднего, эллинистического времени.

⁵⁷ Ж. Д. Х а ч а т р я н, Материальная культура древней Армении, автореферат канд. диссертации, Ереван, 1966, стр. 10.

На рельефах Персеполя, наконец, в руках армян-данников изображен металлический сосуд, совпадающий по своей форме с вышеупомянутыми глиняными сосудами, особенно с найденным на территории Тейшебаини⁵⁸. Высеченный в камне сосуд, все детали которого, в том числе и зооморфные ручки, переданы с поразительной точностью⁵⁹, является прекрасным образцом тореvтики ахеменидского времени. В свете новых данных по керамике Армении, а также, как увидим ниже, и Урарту, он может найти свое место в материальной культуре древней Армении.

Рассматриваемой формы сосуда имели широкое распространение.

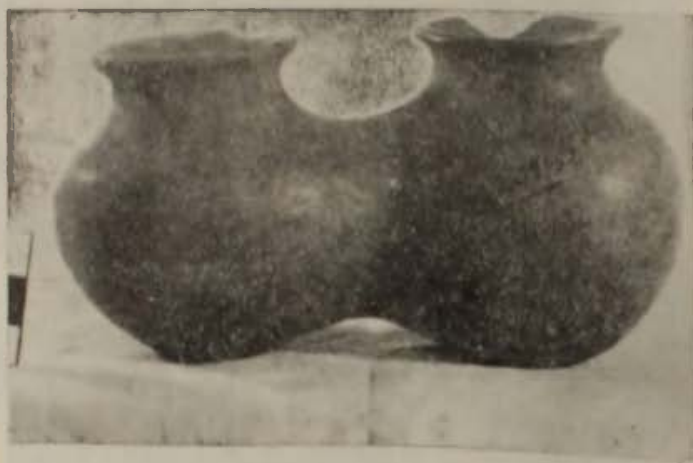

Табл. II, 1.

Табл. II, 2.

⁵⁸ А. А. Мартиросян, ук. соч., рис. 140.

⁵⁹ E. Schmidt, ук. соч., табл. 29 А и В; Р. Аманду, ук. соч., табл. 20, 1.

Табл. II, 3.

Табл. II, 4.

Керамические образцы известны нам с территории Малой Азии (Алишарский холм)⁶⁰—на западе, и из Мингечаура⁶¹—на востоке.

Изучение персепольских рельефов, а также раздобытых раскопками или найденных случайно металлических сходных сосудов указывает на территорию Мидии, Сирии, Балканского полуострова, Северного Причерноморья как на ареал распространения в ахеменидское время.

Рассматривая вопрос о генезисе этой группы сосудов чрезвычайно выработанной формы, П. Амандри указывает в основном на ассирийские образцы, действительно имеющие сходные очертания, но лишенные ручек, некоторые детали которых, на сосудах ахеменидского времени, Амандри возводит к иранскому материалу⁶².

Следует напомнить, что ранние прототипы двуручных высоких сосудов засвидетельствованы археологически во II тысячелетии до н. э. в Иране (Тепе-Сналк)⁶³ и Малой Азии (Алача-уюк)⁶⁴. Однако эти разрозненные находки, указывающие лишь на глубокую древность данного

⁶⁰ H. H. von der Osten, *The Altshar Hüyük, season of 1930—32, part III*, Chicago, стр. 39—40, рис. 47—48.

⁶¹ Т. И. Голубкина, *О зооморфной керамике из Мингечаура*, Материальная культура Азербайджана, II, Баку, 1951, рис. 15, 16.

⁶² P. Amandry, *ук. соч.*, стр. 38—39.

⁶³ R. Ghirshman, *Fouilles de Stalk*, т. II, Paris, 1939, табл. IV, № 1—2.

⁶⁴ E. Akurgal, M. Hirmer, *The art of the Hittites*, New York, табл. III (средний сосуд).

типа и на довольно широкое его распространение, не могут идти в сравнение с обильным материалом урартского происхождения.

Только сравнительно недавнее обнаружение урартских сосудов рассматриваемого типа (рис. 4а, табл. II, 3) может объяснить их незаслуженное игнорирование при рассмотрении вопросов генезиса данной формы как в Передней Азии, так и на Армянском нагорье.

Еще в середине 50-х годов в одном из помещений Кармир-блур был найден двуручный краснолощенный сосуд, который был признан в качестве приемлемого прототипа для раннеармянских сосудов данной формы⁶⁵.

Раскопки на Аришберде выявили многочисленные сходные сосуды, целые или в обломках, с ручками, имеющими в верхней части вертикальные выступы-шпы, представляющие собой, вероятно, предельно стилизованные примеры зооморфных ручек⁶⁶.

Прекрасный краснолощенный сосуд с ярко выраженными очертаниями, найденный в урартском здании города Тейшебаини⁶⁷, может служить убедительным прототипом не только для армянских, но и для иранских сходных сосудов, хотя при выработке последних очень вероятно участие и ассирийской материальной культуры. Дальнейшие находки подобных сосудов в Армавире (1966 г.) и в Нор Армавире⁶⁸ подтвердили предположение о том, что это одна из ведущих форм урартской керамики, перенятая армянами и претворенной ими не только в глине, но и в металле.

Как нам кажется, анализ вышеприведенного материала показал, как некоторые ведущие формы керамики и торевтики Армении ахеменидского и эллинистического времен со всей очевидностью восходят к урартским прототипам.

Дальнейшее расширение круга сопоставления может увеличить примеры типологической общности, что должно привести к последовательному раскрытию новых, интересных аспектов генетической связи между двумя культурами—урартской и армянской.

⁶⁵ Г. А. Тиранян, Опыт периодизации материальной культуры древней Армении, Известия, 1957, № 2, стр. 81.

⁶⁶ Г. А. Тиранян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2, табл. II, 1, стр. 162; С. А. Есаян, ук. соч., табл. XXIII, 7, табл. XXVII, 2, 3.

⁶⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 103.

⁶⁸ А. А. Мартиросян, Раскопки Аргистихинили, С. А., 1967, № 4, стр. 229.